

Колонна делала очередной гиб. С нового места просматривался проем в цех, закрытый массивной железной дверью. С протяжным сипением двери на миг отворились. За ними открылся кровавый могильный, лишающий разума, ужас. На полу цеха стояла громадная мясорубка. Ревя электродвигателем, она заглывала своим приемным раструбом кричащего солдата. Из, висевшего над мясорубкой, потолочного механизма были выдвинуты два толстых стержня с хромированными дужками на концах. Ими они напирала на плечи солдата, подпихивая его на шnek. Жилы на лбу и на шее жертвы страдальчески вспучились. Глаза выпирали из черепа. Рот раскрывался в немом, вязнущем в грохоте ротора, крике. Вращающийся шnek втягивал новобранца рывками. Его окровавленные пальцы обреченно скользили по бортику жерла. Из дырок выходной решетки на ленту транспортера валили, ставшие фаршем, ноги солдата.

Двери захлопнулись.

Одеревеневший от ужаса, Ваня нашарил в кармане открытку от бабушки. Схватился за нее, как за круг утопающий: это сон! это сон!! И он скоро проснется. Бабушка вытащит его из кошмара. Ноги по колено налились чугушной слабостью - не убежать! Руки по локоть обьяла межзвездная стужа - не дать старослужащим в зубы!

И те, перед ним, кто ухитрились заглянуть поверх голов в цех, были также контужены страхом и деревянно ковыляли к дверям. Иные замирали, задние напирала на них, и очередь как бы спрессовывалась. Тогда из тамбура выходили два гада-деда, выкручивали застывшему рекруту руки и втаскивали его внутрь.

Оскаленная пасть двери надвигалась.

Ваня готов был рухнуть на колени, умолять о пощаде, лебезить перед старым хрычем или перед кем угодно, пойти на что угодно, вплоть до: Он не знал, на что мог пойти, лишь бы остаться жить. Жить! Жить! Как хочется жить! Теперь, когда жизнь измерялась в солдатах перед ним, каждый затылок стал драгоценен, каждая макушка равнялась алмазу. С каждой шеей Иван расставался, как старый сквалыжник с монетой. В каждой спине проживалась и переживалась вся его короткая жизнь (её выпуклины, вмятины, поступки, проступки, чаяния и веяния) заново. Ваня осатанело вбирал в себя разные звуки: шорохи, шелесты, шепоты, шиканье, шарканье; взхлеб всасывал запахи пыли, сапог и подмышек; неистово обгладывал ощущения зуда между пальцев ног, холода в одеревеневшей пояснице, тяжести рвотных позывов в желудке; жадно впитывал свет электрических лампочек, цвет металлических шильдиков на фоне бардового бархата.

Всё это время полковник что-то говорил. Слова гулко отдавались от свода и оседали тяжёлой баюкающей канителью на спины солдат и солдаток.

Вдруг, среди слов нечто ярко (спасительно-ярко!) блеснуло. Иван ухватился за эту нить.

- : Гнусинский! Рядовой Гнусинский!

- Вы что, оглохли!? Выйти из строя!

- Есть.

- Мне нужен мясорубщик взамен ушедшего на гражданку. Ваша бабушка - моя давняя боевая подруга - рекомендовала мне вас. Справитесь? Работа кровавая.

- Да, товарищ полковник! Так точно! Всегда готов! - Ваня звеняще выпаливал фразы.

Полковник свел куцые брови.

- А проверку пройти, пройдешь?

- Смогу, товарищ полковник!

Старик выбрал из девичьей очереди трёх, замороженных ужасом, пигалиц:

- Вы трое - ты, ты и ты - обеи за мной. - и широким шагом направился к, незамеченной ранее, боковой двери.

За ней находилась пустая квадратная комната. В центре, на свежевыкрашенном щелястом полу, стояла железная кровать, покрытая грязным, в желтушных разводах, бугристым матрасом.

Каким-то шестым обострившимся чувством Иван обнаружил, что вовсе не матрас перед ними и даже не подстилка, а тюфяк - тюфяк в его староанглийском матюгальном смысле. И на нем (сполох догадки окрасил ивановы щеки) справляли мужскую нужду! Казалось, эта нужда прошла по тюфяку бурей, оставив после себя: рытвины (не отпечатки ли коленей?) ямины (не следы ли лопаток?) , комья ваты, торчащие грыжами из порывов сбоку (настолько сильны были бури порывы!) и плевки (закончив терзать тюфяк, буря, агонизируя, разразилась плевками, застывшими в грязные желтые кляксы) . Похоже, и девушки тоже заподозрили в матрасе что-то тюфякское. Они потерянно суксались в углу и краснели. Особенно та - рыженькая, с конопушками, выглядывающая из-за плеча смуглой, рослой узбечки.

Полковник скомандовал Ване:

- А ну-ка, Ванюша, ложись на кровать.

Тот рассеянно шагнул навстречу заплёванным ямам и ватным провалам, обо что-то споткнулся и уже в падении стал лихорадочно думать: "Проверка: проверка: сейчас будет проверка: вот сейчас: да: в чем? ... неужели? ... он сейчас будет кого-нибудь: или всех? ... или со всеми? ... нет! ... никогда!! ... может быть:" Тюфяк принял рухнувшее на него тело. Скрипуче прогнувшись, кровать саданула облупленной спинкой о стену. И людей обступила тишина.

По извилистой коньжной трубе, проложенной под потолком под уклоном, прошелестел полуночный кал.

- И еще, - сказал полковник, словно не замечая оплошности бойца, - мне нужна расторопная девица на побегушках. Где депешу отнести, где искусственное дыхание оказать бойцу. Мало ли что бывает. Иной раз, солдат без сознания лежит. К примеру - контуженный. И надо его к нашей жизни вернуть. Хоть это и брезгливо и боязно: И скромность не дает: Ну, кто из вас вызовется Ваню для пробы уважить? Кто бойкая? Остальные пойдут под нож, в закрома родины. Пигалицы потерянно жались к стене.

- С тоской я гляжу на нонешнее пополнение. Неужели, никто? Неужто зарастет к Ивану народная тропа? Вот так скромницы! Что, все только на мясо годятся?

Пигалицы с тоской искушаемой скромности смотрели на Ваню.

- Я: можно я, товарищ полковник? - не выдержала рыженькая с горящим лицом.

Она подняла руку, как ученица за партой, и трясла ею мелко, в сомнении. В такт руке дрожали две, выбившиеся из-под пилотки косички.

- Можно Мишку за шишку. - пошутил полковник. - В армии надо говорить - разрешите.

- Разрешите, товарищ полковник?

- Как звать?

- Соня я.

- А фамилия?

- Сироткина.

- Родом откуда?

- Норвегия.

- Варяжка, значит, как и Ваня. Мала ты еще, варяжка. Тебе бы еще во второй полусредний ходить. Ума набираться да тела. Ну да раз армия призвала, значит надо. Иди, оживляй больного.

- А что надо делать?

Старик саблезубо ослабился.

- Вот это другой разговор! Искусственное дыхание делать умеешь? рот в рот?

Важно кивнув, Сироткина приступила к поверженному, набрала в грудь побольше воздуха, быстро наклонилась. Ваня зажмурился. Губы Сироткиной влажно прижались к его губам. Она вдунула в него воздух. Вместе с яблочной свежестью, Иван обрел второе дыхание. От него голова пошло кругом. Такое с ним было впервые. И долго сопротивляться - делать вид, что оживить его -дохлый номер, - он не смог, не выдержал - облизывал налитые губы солдатки в ответ.

Полковник ходил вокруг да около.

- Так, так: ожил. Ну вдруг, неровен час, языка придется брать? Возьмешь?

Рядовая прервалась на вздохе: - Возьму-у:

Ваня высунул язык и дал его, как можно больше. Соня заворожено захватила язык губами и стала, зачем-то, сосать.

- Так держать! - ворковал полковник.

Но Соня не просто держала. Она сосала! Ваня быстро слабел. Но в то же время в нем появлялась какая-то упругая упрямоть, потом даже твердость и монолитное желание понять - зачем? И скоро он понял. Хитрым этим приёмом через языка высасывают всю правду об организме неприятеля. И правда эта была в салями, что так не кстати уперлась Сироткиной в локоть.

Понял и забеспокоился - вдруг обнаружат. Какой будет позор! Или хуже - старик запихает его в мясорубку!

И тут, как назло, рядовая отпрянула и опасливо покосилась на бугор.

- Товарищ полковник, - стукачка Сироткина лезла из кожи в сексотки, лишь бы старик не отправил на мясо, - у него там что-то:

- Что там? - старик посерьезнел, насупился.

- Что-то лежит:

- Не может быть: А ну изъять!

Сироткина в ступоре мешкала.

- Рядовая Сироткина, произвести досмотр пазухи рядового.

- Есть.

Она расстегнула пуговицы. Её, всё более наглеющие пальцы, закопошились у него под одеждой. "Что будет? - панически жмурился Ваня. - Что сейчас будет!" Пальцы нашли колбасу. Как будто их треснуло током. Сироткина с писком отдернула руку, прижала её к груди. Потом расхрабрилась и снова полезла. На этот раз зацепила крючочками пальцев и потащила наружу. "Плод" выпал ей в руки. Она диковато отшатнулась.

Ваня готов был провалиться сквозь пол, настолько ороговевшая колбаса походила макушкой

на желудь: шкурка на её конце кольцом сошла, оголяя лоснисто-синюшную мякоть. Казалось, трупное окоченение салями начинается с головы. Но разгоня не последовало. Разгоня Ванину виноватость, полковник совсем не гневливо, скорее журящее, прожурчал:

- На воре и палка горит.

У Вани с души отлегло: «Старикан-то не злой, а прикольный. Другие из-за котлетки удавятся, а этот салями простил. На воре, говорит, палка горит. Прикольный. А эта-то крыса: у него там что-то: Бывалая крыса. Но это мы еще посмотрим - кто кого».